

ЧЕСТЕРФИЛД
ПИСЬМА
К СЫНУ

Кофе с мудрецами

Филипп Честерфилд

Письма к сыну

«РИПОЛ Классик»

до 1755 г.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

Честерфилд Ф. Д.

Письма к сыну / Ф. Д. Честерфилд — «РИПОЛ Классик», до
1755 г. — (Кофе с мудрецами)

ISBN 978-5-38-601393-6

«Письма к сыну» английского писателя, публициста, философа-моралиста, историка Филиппа Дормера Стенхопа, графа Честерфилда (1694–1773) Вольтер назвал книгой весьма поучительной, самым лучшим из всего когда-либо написанного о воспитании. Нас поражает многое в этих письмах с точки зрения иной среды и эпохи, но мы прекрасно понимаем, что эта книга незаурядная и что она получает вневременной интерес именно потому, что является превосходным отображением эпохи, которой она порождена. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

ISBN 978-5-38-601393-6

© Честерфилд Ф. Д., до 1755 г.
© РИПОЛ Классик, до 1755 г.

Содержание

I	6
II	7
III	10
IV	13
V	14
VI	15
VII	17
VIII	20
IX	23
X	24
XI	25
XII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Филипп Дормер Стенхоп Честерфилд

Письма к сыну

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

I

Тенбридж, 15 июля 1739 г.

Милый мой мальчик!

Спасибо тебе за то, что ты беспокоишься о моем здоровье; я бы уже давно дал о себе знать, но здесь на водах не очень-то хочется писать письма. Мне лучше с тех пор, как я здесь, и поэтому я остаюсь еще на месяц.

Синьор Дзамбони расточает мне через тебя больше похвал, чем я того стою. А ты постарайся заслужить все, что он говорит о тебе; помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того – оскорблением, и всего нагляднее обличает людские пороки и безрассудства. Это риторическая фигура, имя которой ирония: человек говорит прямо противоположное тому, что думает. И вместе с тем – это не ложь, ибо он ясно дает понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот. Например, если кто-нибудь хвалит отъявленного мошенника за его порядочность и неподкупную честность, а круглого дурака – за его способности и остроумие, – ирония совершенно очевидна и каждый легко поймет, что это не более как насмешка. Вообрази, что я стал бы превозносить тебя за то, что ты очень внимательно штудируешь свою книгу, и за то, что ты усвоил и помнишь до сих пор все, что когда-то учил, – неужели ты сразу бы не заметил моей иронии, не почувствовал, что я смеюсь над тобой? Поэтому, когда тебя начинают за что-то превозносить, подумай хорошенько и реши, заслужил ты эту похвалу или нет; и если нет, то знай, что над тобой только издеваются и смеются; постарайся же в будущем быть достойным лучшего и сделать так, чтобы по отношению к тебе всякая ирония оказалась неуместной.

Передай от меня поклон м-ру Меттеру¹ и поблагодари его за письмо. Он пишет, что тебе снова предстоит взяться за латинскую и греческую грамматики; надеюсь, что к моему возвращению ты основательно их изучишь; но, если даже тебе это не удастся сделать, я все равно похвалю тебя за прилежание и память. Прощай.

¹ *Меттер Майкл (1668–1747)* – комментатор и издатель классических текстов; был приглашен Честерфилдом к Филипу в качестве учителя латинского языка.

II

20 ноября 1739 г.

Милый мой мальчик!

Ты занят историей Рима; надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил.

Полезность истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно их нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чтители и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какую славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней.

В истории Рима мы находим больше примеров благородства и великодушия, иначе говоря – величия души, чем в истории какой-либо другой страны. Там никого не удивляло, что консулы и диктаторы (а как ты знаешь, это были их главные правители) оставляли свой плуг, чтобы вести армии на врага, а потом, одержав победу, снова брались за плуг и дожидали свои дни в скромном уединении, – уединении более славном, чем все предшествовавшие ему победы! Немало величайших людей древности умерло такими бедными, что хоронить их

приходилось на государственный счет. Живя в крайней нужде, Курий² тем не менее отказался от крупной суммы денег, которую ему хотели подарить самнитяне, ответив, что благо отнюдь не в том, чтобы иметь деньги самому, а лишь в том, чтобы иметь власть над теми, у кого они есть. Вот что об этом рассказывает Цицерон: «*Curio ad focum sedenti magnum auri pondus Samnites cum attulissent, repudiati ab eo sunt. Non enim aurum habere praeclarum sibi videri, sed iis, qui haberent aurum imperare*»³. Что же касается Фабриция, которому не раз доводилось командовать римскими армиями и всякий раз неизменно побеждать врагов, то приехавшие к нему люди увидели, как он, сидя у очага, ест обед из трав и кореньев, им же самим посаженных и выращенных в огороде. Сенека⁴ пишет: «*Fabricius ad focum coenat illas ipsas radices, quas, in agro repurgando, triumphalis senex vulsit*»⁶.

Когда Сципион⁷ одержал победу в Испании, среди взятых в плен оказалась юная принцесса редкой красоты, которую, как ему сообщили, скоро должны были выдать замуж за одного ее знатного соотечественника. Он приказал, чтобы за ней ухаживали и заботились не хуже, чем в родном доме, а как только разыскал ее возлюбленного, отдал принцессу ему в жены, а деньги, которые отец ее прислал, чтобы выкупить дочь, присоединил к приданому. Валерий Максим⁸ говорит по этому поводу: «*Eximia formae virginem accersitis parentibus et sponso, inviolatam tradidit, et juvenis, et coelebs, et victor*»⁹. Это был замечательный пример сдержанности, выдержки и великодушия, покоровший сердца всех жителей Испании, которые, как утверждает Ливий¹⁰, говорили: «*Venisse Diis simillimum juvenem, vincentem omnia, turn armis, turn benignitate, ac beneficiis*»¹¹. Таковы награды, неизменно венчающие добродетель; таковы характеры, которым ты должен подражать, если хочешь быть прославленным и добрым, а ведь это единственный путь прийти к счастью. Прощай.

² Курий Дентат Маний (ум. ок. 272 г. до н. э.) – римский полководец периода покорения Римом италийских народов. Несколько раз был консулом; пользовался поддержкой плебса.

³ Когда Курию, сидевшему у очага, самнитяне принесли много золота, он отверг его, ибо считал, что самое славное – это иметь не золото, а власть над теми, у кого оно есть (лат.).

⁴ Сенека Луций Анней Старший, Сенека-ритор (ок. 54 г. до н. э. – 39 г. н. э.), – римский оратор и историк. Автор «Истории Рима с начала гражданских войн до Тиберия».

⁵ Фабриций Кай Луций (III в. до н. э.) – римский консул. Одержал ряд побед в войнах с народами Древней Италии.

⁶ Фабриций, этот увенчанный славой старец, ест возле очага коренья, которые сам же выкопал из земли (лат.).

⁷ Сципион Публий Корнелий Африканский Старший (ок. 237 – ок. 183 гг. до н. э.) – римский полководец. Глава аристократической партии. Покорил большую часть Испании. Прославился войнами в Африке (Пунические войны), завершившимися победой над Ганнибалом при Заме (202 г. до н. э.).

⁸ Валерий Максим (I в.) – римский историк, автор «Деяти книг замечательных деяний и изречений».

⁹ Девушку необычайной красоты неоскверненной отдал родителям, которых для этого вызвал к себе, и жениху, сам будучи юн и холост и оказавшись победителем (лат.).

¹⁰ Ливий Тит (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – римский историк. Автор «Римской истории от основания города».

¹¹ Прибыл юноша, подобный богам, и покорил всех не только силой оружия, но и щедротами своими и благодеяниями (лат.).

III

Понедельник

Милый мой мальчик!

Мне очень жаль, что я не получил вчера от м-ра Меттера тех сообщений о тебе, которых ждал с надеждой. Он тратит столько сил на занятия с тобой, что вполне заслужил, чтобы ты относился к ним внимательно и прилежно. К тому же теперь вот о тебе говорят как о мальчике, знающем гораздо больше, чем все остальные, – до чего же будет стыдно потерять свое доброе имя и допустить, чтобы сверстники твои, которых ты оставил позади, опередили тебя. Тебе не хватает только внимания, ты быстро схватываешь, у тебя хорошая память; но если ты не сумеешь быть внимательным, часы, которые ты просидишь над книгой, будут выброшены на ветер. Подумай только, какой стыд и срам: иметь такие возможности учиться – и остаться невеждой. Человек невежественный ничтожен и достоин презрения; никто не хочет находиться в его обществе, о нем можно только сказать, что он живет, и ничего больше. Есть хорошая французская эпиграмма на смерть такого невежественного, ничтожного человека. Смысл ее в том, что сказать об этом человеке можно только одно: когда-то он жил, а теперь – умер. Вот эта эпиграмма, тебе нетрудно будет выучить ее наизусть:

*Colas est mort de maladie,
Tu veux que j'en pleure le sort;
Que diable veux-tu que j'en die?*

*Colas vivait, Colas est mort.*¹²

Постарайся не заслужить имени Кола, а я непременно буду называть тебя так, если ты не будешь хорошо учиться, и тогда эта кличка за тобой утвердится и все будут звать тебя Кола, а это много хуже, чем Шалун.

Ты читаешь сейчас «Древнюю историю» Роллена¹³: пожалуйста, имей всегда при себе карты, когда читаешь; мне хочется, чтобы месье Пельнот показал тебе на них все места, о которых написано в книге. Прощай.

¹² Кола заболел и умер, Ты хочешь, чтобы я оплакивал его судьбу. Но что я могу сказать о нем? Кола жил. Кола умер (фр).

¹³ Роллен Шарль (1661–1741) – французский историк. «Древняя история» написана в 1730–1738 гг.

IV

Суббота

Милый мой мальчик!

Коль скоро ты хочешь, чтобы тебя называли полиглотом, надеюсь, что ты постарайся заслужить право на это имя, а для этого надо быть внимательным и прилежным. Должен тебе сказать, что слова олух или Кола звучат отнюдь не столь благородно, но помни также, что нет ничего смешнее, чем когда человека называют благородным именем, а люди вокруг знают, что он этого не заслужил. Например, было бы неприкрытой иронией назвать какого-нибудь безобразного парня Адонисом (который, как ты знаешь, был до того красив, что сама Венера в него влюбилась), или назвать какого-нибудь труса Александром, или невежду – полиглотом, ибо всякий легко догадается, что это – насмешка. И м-р Поп¹⁴ очень верно замечает: «Мы хвалим дураков лишь смеха ради».

Вслед за поступками, которые заслуживают того, чтобы о них написать, ничто не приносит человеку столько чести и не доставляет ему столько удовольствия, как писать то, что заслуживает прочтения. Плиний Младший (ибо было два Плиния – дядя и племянник) говорит об этом так: «*Equidem beatos puto, quibus Deorum munere datum est, aut facere scribenda, aut legenda scribere; beatissimos vero quibus utrumque*»¹⁵.

Пожалуйста, обрати внимание на свой греческий язык, ибо надо отлично знать греческий, чтобы быть по-настоящему образованным человеком, знать же латынь – не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее – стыд и срам. Не говорю уже о том, что, отлично изучив греческий, ты гораздо лучше сможешь разобраться в латыни, ведь множество латинских слов, в особенности технических, взяты из греческого. Под техническими словами разумеются слова, относящиеся к различным наукам и ремеслам... Вот почему словарь, разъясняющий термины, относящиеся к различным ремеслам, носит название *Lexicon Technicum*, или Словарь искусств и ремесел. Прощай.

¹⁴ Поп Александр (1688–1744) – английский поэт, представитель просветительского классицизма. Автор ряда поэм – философских («Опыты о морали», «Опыт о человеке», имевший большой успех в России в XVIII в.), сатирических («Дунсиада», от английского *dunce* – «тупица», – где он высмеял своих современников, называя каждого по имени), иронико-комической поэмы «Похищение локона» и др. Перевел на английский язык пятистопным ямбом «Илиаду» и, при участии Фентона и Брума, «Одиссею», стремясь в этих переводах исправить «грубость» Гомера. Честерфилд хорошо знал Попа и был близок с ним: их сближали общность вкусов, личных симпатий и антипатий, рационализм, склонность к иронии, дидактике, пристрастие к классическим образцам. Он высоко ценил Попа как поэта, ставя его даже выше очень чтимого им Горация, и в письмах своих часто его цитирует. Здесь не совсем точно приводится стих из знаменитого произведения Попа – сатиры, написанной в форме послания: «Подражание Горацию», 11, 1, 413 (1733–1738); этот стих Попа является, в свою очередь, цитатой из «Знаменитых красавиц», анонимного произведения, изданного в «Смеси» (*Miscellanea*) Тонсоном в 1709 г.

¹⁵ *Поистине считаю блаженными тех, кому милостью богов даровано либо делать то, что достойно написания, либо писать то, что достойно прочтения; блаженнейшими же – тех, кому даровано и то и другое (лат.).*

V

Без даты

Милый мой мальчик!

Посылаю еще несколько латинских корней, хоть и не очень уверен, что они так же придутся тебе по вкусу, как коренья, что растут в огороде; тем не менее, если ты серьезно займешься ими, они могут избавить тебя от больших неприятностей. Те немногие, которые ты получишь, разумеется, привлекут твое внимание и ко многим другим и дадут тебе возможность, зная корневую основу, путем сравнения изучить большинство производных и сложных слов. Тебе уже достаточно лет, чтобы сознательно относиться ко всему, что тебе приходится изучать, и ты даже не представляешь себе, сколько времени и труда ты сэкономишь, если будешь сознательно относиться к делу. Помни, что тебе очень скоро исполнится девять лет – возраст, в котором каждый мальчик должен уже немало всего знать, а в особенности – ты, чье воспитание потребовало таких усилий и такой заботы. Если же ты не оправдаешь возлагаемых на тебя надежд, то потеряешь свое доброе имя, а это – самое унижительное для человека благородного. У каждого человека есть свои стремления, свое честолюбие, и он бывает огорчен, когда обманывается в своих ожиданиях; разница только в том, что у людей глупых само честолюбие тоже бывает глупым и устремлено не туда, куда следует, у людей же умных честолюбие законно и достойно всяческой похвалы. Например, если бы честолюбие какого-нибудь глупого мальчика твоего возраста сводилось к тому, чтобы хорошо одеваться и тратить деньги на разного рода сумасбродства, это, разумеется, не свидетельствовало бы о его достоинствах, а только о безрассудстве его родителей, готовых наряжать его как куклу и давать ему денег, чтобы этим его испортить. Умный же мальчик стремится превзойти своих сверстников, и даже тех, кто старше его, – как знаниями, так и нравственными своими качествами. Он горд тем, что всегда говорит правду, что расположен к людям и им сочувствует, что схватывает быстрее и учится старательнее, чем другие мальчики. Все это подлинные доказательства его внутреннего достоинства и, следовательно, достаточные основания для честолюбия; качества эти утвердят за ним хорошую репутацию и помогут ему выработать твердый характер. Все это в равной мере справедливо не только для детей, но и для взрослых: честолюбие глупца ограничивается стремлением иметь хороший выезд, хороший дом и хорошее платье – вещи, завести которые с таким же успехом может всякий, у кого много денег, ибо все это продается. Честолюбие же человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценным за свои знания, правдивость и благородство, качества, которые нигде не могут быть куплены, а могут быть приобретены только тем, у кого ясная голова и доброе сердце. Таким было честолюбие лакедемонян и римлян, когда они прославились больше всех остальных народов; таким, надеюсь, всегда будет и твое. Прощай.

VI

Среда

Милый мой мальчик!

Ты так хорошо вел себя в воскресенье у м-ра Бодена, что тебя нельзя не похвалить. К тому же ты воодушевляешь меня на то, чтобы преподать тебе кое-какие правила вежливости и хорошего тона, и я уверен, что ты будешь их соблюдать. Знай же, что так же, как образованность, благородство и честь совершенно необходимы для того, чтобы заслужить уважение и восхищение людей, вежливость и хорошие манеры не менее необходимы, чтобы сделаться желанным и приятным в беседах и в повседневной жизни. Выдающиеся достоинства, такие как честь, благородство, образованность и таланты, возвышают человека над большинством; люди, не обладающие этими достоинствами, не могут правильно оценить их в других. Но зато все люди ценят достоинства второстепенные, как-то: учтивость, приветливость, обязательность, деликатное обхождение и умение себя вести, потому что они ощущают их благотворное действие, – встречаться с такими людьми в обществе бывает легко и приятно. Хорошие манеры во многих случаях должны диктоваться здравым смыслом; одни и те же действия, вполне корректные при определенных обстоятельствах и в отношении определенного лица, при других обстоятельствах и в отношении другого лица могут выглядеть совершенно иначе. Но есть некоторые общие правила хорошего воспитания, которые всегда и для всех случаев остаются в силе. Так, например, при любых обстоятельствах очень грубо звучат ответы «да» или «нет», если вслед за ними не следуют слова «сэр», «милорд» или «мадам», в зависимости от того, кем является твой собеседник, точно так же, как, говоря по-французски, ты всякий раз должен добавлять слова: «месье», «милорд», «мадам» и «мадемуазель». Ты, разумеется, знаешь, что по-французски всякую замужнюю женщину называют «мадам», а всякую незамужнюю – «мадемуазель». Равным образом, надо быть очень невоспитанным человеком, чтобы оставить без внимания обращенный к тебе вопрос, или ответить на него невежливо, или уйти, или заняться чем-то другим, когда кто-то заговорил с тобою, ибо этим ты даешь людям понять, что презираешь их и считаешь ниже своего достоинства их выслушать, а тем более им ответить. Мне думается, я не должен говорить тебе, как невежливо занимать лучшее место в комнате или сразу же накидываться за столом на понравившееся тебе блюдо, не предложив прежде отведать его другим, как будто ты ни во что не ставишь тех, кто тебя окружает. Напротив, следует уделить им всемерное внимание. Надо не только уметь быть вежливым, что само по себе совершенно необходимо, высшие правила хорошего тона требуют еще, чтобы вежливость твоя была непринужденной и свидетельствовала о том, что ты истинный джентльмен. Здесь тебе следовало бы присмотреться к французам, которые достигли в этом отношении редкого совершенства и чья учтивость кажется столь же естественной и непринужденной, как и все их обхождение с людьми. Что же касается англичан, то манеры их часто бывают неуклюжи, и всякий раз, когда они стараются быть вежливыми, они до того стыдятся и робеют, что их непременно постигает неудача. Прошу тебя, никогда не стыдись поступать так, как должно: у тебя были бы все основания стыдиться, если бы ты оказался невежей, но чего ради тебе стыдиться своей вежливости? И почему бы тебе не говорить людям учтивые и приятные слова столь же легко и естественно, как ты бы спросил их, который час? Такого рода застенчивость – французы правильно называют ее *mauvaise honte*¹⁶ – очень характерна для английских остолопов: эти до смерти пугаются, когда к ним обращаются люди светские, а когда приходит черед отвечать им, краснеют, бледнеют, заикаются, бормочут что-то глупое и несуразное и действительно становятся достойными смеха от одного только ни на чем не основанного опасения, что над ними будут смеяться. А меж тем

¹⁶ Ложный стыд (фр).

человек действительно хорошо воспитанный, случись ему говорить даже со всеми королями мира, так же не стал бы волноваться и держался бы столь же непринужденно, как если бы он говорил с тобой.

Помни, что только человека вежливого и такого, у которого вежливость эта непринужденна (что, собственно говоря, и есть признак его хорошего воспитания), любят и хорошо принимают в обществе, что человек дурно воспитанный и грубый просто непереносим и всякое общество старается от него избавиться и что человек застенчивый неминуемо становится смешон. Так как я вполне уверен, что ты запомнишь все, что я говорю, и последуешь моему совету в жизни, я надеюсь, что, когда тебе исполнится девять лет, ты не только будешь лучшим учеником, но и самым воспитанным мальчиком среди своих сверстников в Англии. Прощай.

VII

Спа, 25 июля н. г. 1741 г.

Милый мой мальчик!

Я не раз напоминал тебе в моих прежних письмах об одной непререкаемой истине: только будучи человеком честным и благородным в самом строгом смысле слова, ты сможешь снискать уважение и признание окружающих тебя людей; только будучи человеком даровитым и ученым, ты сможешь вызвать в них восхищение и преклонение. Но для того чтобы заставить их полюбить себя, находить удовольствие в твоём обществе и искать сближения с тобой, в жизни совершенно необходимо обладать некими особыми второстепенными качествами. Из этих второстепенных качеств главное и самое необходимое – это хорошее воспитание, не только потому, что оно весьма важно само по себе, но также и потому, что придает особый блеск более высоким проявлениям ума и сердца.

О хорошем воспитании я часто писал тебе и раньше, поэтому здесь речь будет идти о дальнейшем определении его признаков, об умении легко и непринужденно держать себя в обществе, о надлежащей осанке, о том, чтобы ты не позволял себе кривляться, чтобы у тебя не было никаких нелепых выходов, дурных привычек и той неуклюжести, от которой несвободны многие очень неглупые и достойные люди. Хоть на первый взгляд вопрос о том, как вести себя в обществе, и может показаться сущим пустяком, он имеет весьма важное значение, когда цель твоя – понравиться кому-нибудь в частной жизни, и в особенности женщинам, которых тебе рано или поздно захочется расположить к себе. А я знавал немало людей, которые неуклюжестью своей сразу же внушали людям такое отвращение, что все достоинства их были потом перед ними бессильны. Хорошие же манеры располагают людей в твою пользу, привлекают их к тебе и вселяют в них желание полюбить тебя.

Неуклюжесть проистекает обычно от двух причин: либо от того, что человеку вовсе не приходилось бывать в светском обществе, либо от того, что, бывая в нем, он не проявил должного внимания к окружающему. О том, чтобы ввести тебя в хорошее общество, я позабочусь сам, ты же позаботься о том, чтобы внимательно наблюдать за тем, как люди себя там держат, и выработать, глядя на них, свои манеры. Для этого совершенно необходимо внимание, как оно необходимо и для всего остального: человек невнимательный негоден для жизни на этом свете.

Стоит такому олуху войти в комнату, как шпага его легко может оказаться у него между ног, и он либо падает, либо, в лучшем случае, спотыкается. Исправив свою неловкость, он проходит вперед и умудряется занять как раз то место, где ему не следовало бы садиться; потом он роняет шляпу; поднимая ее, выпускает из рук трость, а когда нагибается за ней, то шляпа его падает снова; таким образом, проходит добрых четверть часа, прежде чем он приведет себя в порядок. Начав пить чай или кофе, он неминуемо обожжет себе рот, уронит и разобьет либо блюдечко, либо чашку и прольет себе на штаны чай или кофе. За обедом неуклюжесть его становится особенно заметной, ибо он попадает в еще более трудное положение: то он держит нож, вилку и ложку совсем не так, как все остальные, то вдруг начинает есть с ножа и кажется, что вот-вот порежет себе язык и губы; то принимается ковырять вилкой в зубах или накладывать себе какое-нибудь блюдо ложкой, много раз побывавшей у него во рту. Разрезая мясо или птицу, он никогда не попадает на сустав и, тщетно силясь одолеть ножом кость, разбрызгивает соус на всех вокруг. Он непременно вымажется в супе и в жире, хоть салфетка его и просушута концом сквозь петлю камзола и щекочет ему подбородок. Начав пить, он обязательно раскашляется в стакан и окропит чаем соседей. Помимо всего прочего, он поражает всех своими странными манерами: он сопит, гримасничает, ковыряет в носу или сморкается, после чего так внимательно разглядывает носовой платок, что всем становится тошно. Когда руки его ничем не заняты, они ему явно мешают и он не знает куда их определить, меж тем они все время пребывают в движении, непрестанно перемещаясь то от груди к коленям, то от колен к груди. Одежду свою он не умеет носить, да и вообще ничего не умеет делать по-человечески. Преступного, надо сказать, в этом ничего нет, но в обществе все это в высшей степени неприятно и смешно, и всякий, кто хочет нравиться, должен решительным образом этого избегать.

Я перечислил все, чего тебе не следует делать; теперь ты легко поймешь, как ты должен себя вести, и, если ты отнесешься с должным вниманием к манерам людей светских и много бывавших в обществе, все это станет для тебя естественным и привычным.

Существуют также неловкости речи, употребление слов и выражений, которых самым тщательным образом следовало бы избегать, коверканье языка, дурное произношение, всем надоевшие поговорки и избитые пословицы, свидетельства того, что человек привык бывать в низком и дурном обществе. В самом деле, если вместо того, чтобы сказать, что у людей бывают разные вкусы и у каждого человека свой, ты разрешишься пословицей и скажешь: «Всяк молодец на свой образец» или «У всякого скота своя пестрота», люди вообразят, что ты всю жизнь провел в обществе одних только горничных и лакеев.

Все дело здесь во внимании; без внимания нельзя ничего достичь; недостаток внимания есть не что иное, как недостаток мысли, иначе говоря – либо глупость, либо безумие. Тебе надлежит не только быть внимательным ко всему, что ты видишь, но и уметь быстро во всем разобраться: сразу же разглядеть всех находящихся в комнате людей, их движения, взгляды, вслушаться в их слова и при всем этом не впиваться в них глазами и не показывать виду, что их наблюдаешь. Эта способность быстро и незаметно разглядеть людей необычайно важна в жизни, и надо тщательно ее в себе развивать. Напротив, рассеянность, которая есть не что иное, как беспечность и недостаток внимания к тому, что происходит вокруг, делает человека до такой степени похожим на дурака или сумасшедшего, что я, право же, не вижу особой разницы между всеми тремя. У дурака никогда не было способности мыслить; сумасшедший потерял ее; а человек рассеянный на время тоже ее лишился.

Прощай! Следующее письмо ко мне адресуй в Париж на имя месье Шабера, банкира, и постарайся к моему возвращению добиться тех успехов, которых я от тебя жду.

VIII

Спа, 6 августа 1741 г.

Милый мой мальчик!

Меня очень обрадовали те несколько работ, которые ты прислал мне, и еще больше сопровождавшее их письмо м-ра Меггера, в котором он отзывается о тебе гораздо лучше, чем в предыдущем. *Laudari a laudato viro*¹⁷ во все времена было стремлением благородным. Поощряй же в себе это стремление и умей и впредь заслужить похвалу человека, достойного похвалы. Пока ты будешь стараться этого достичь, ты получишь от меня все, что только захочешь, а как только перестанешь, больше ничего уже не получишь.

Я рад, что ты понемногу начинаешь писать сочинения, это приучит тебя размышлять над некоторыми вопросами, что не менее важно, чем читать соответственные книги; поэтому напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь по поводу следующих слов:

*Non sibi, sed toti genilum se credere mundo*¹⁸.

Слова эти взяты из характеристики, которую Лукан¹⁹ дает Катону²⁰. По его словам, Катон считал, что создан не для себя одного, а для всего человечества. Так вот напиши мне, считаешь ли ты, что человек рожден на свет только для собственного удовольствия и выгоды или же он обязан что-то делать на благо общества, в котором живет, и вообще всего человечества. Совершенно очевидно, что каждый человек имеет известные преимущества от того, что живет в обществе, которых не имел бы, живи он один на целом свете. А раз так, то не значит ли это, что он в какой-то степени в долгу перед обществом? И не обязан ли он делать для других то, что они делают для него? Ты можешь написать мне об этом по-английски или по-латыни, как тебе захочется: для меня в этом случае имеют значение мысли твои, а никак не язык.

В последнем письме я предупреждал тебя относительно неприятной манеры держать себя и неловкостей, которые у многих входят в привычку с молодых лет из-за того, что в свое время родители их чего-то недосмотрели. От неловкостей этих они не могут отделаться и в старости. Таковы, например, несуразные движения, странные позы и неуклюжая осанка. Но есть также неуклюжесть духа, которой следует избегать, и при внимательном отношении это вполне возможно. Нельзя, например, путать или забывать имена и фамилии. Говорить о мистере «как бишь его», или о миссис «забыл, как звать», или «дай бог памяти» – значит быть человеком до последней степени невежливым и вульгарным. Не менее невежливо, обращаясь к людям, неверно их величать, например говорить «милорд» вместо «сэр» и «сэр» вместо «милорд». Очень неприятно и тягостно бывает слышать, когда человек начинает что-то рассказывать и, не будучи в состоянии довести свой рассказ до конца, где-нибудь на середине сбивается и, может быть, даже бывает вынужден признаться, что все остальное он позабыл. Во всем, что ты говоришь, следует быть чрезвычайно точным, ясным и определенным, иначе, вместо того чтобы развлечь других или что-то им сообщить, ты только утомишь их и затуманишь им головы. Нельзя также забывать и о том, как ты говоришь и какой у тебя голос: есть люди, которые ухитряются говорить, почти не раскрывая рта, и их просто невозможно бывает понять; другие же говорят так быстро и так глотают при этом слова, что понять их не легче; одни привыкли

¹⁷ Добиться похвалы от человека, хвалимого другими (лат.).

¹⁸ Считать, что ты рожден не для себя одного, а для всех на свете (лат.).

¹⁹ Лукан Марк Анней (39–65) – римский поэт. В единственном сохранившемся его сочинении – героической поэме «Фарсалия» подробно и точно описывается война 49–47 гг. до н. э., возникшая из-за соперничества Цезаря и Помпея.

²⁰ Катон Марк Порций Старший (234–149 гг. до н. э.) – римский государственный деятель и писатель. Известен своей прямоотой и строгостью нрава. Будучи цензором, ввел законы против роскоши. До нас дошло в отрывках его дидактическое сочинение «Наставления сыну». К образу Катона Честерфилд возвращается в своих письмах не раз.

говорить так громко, как будто перед ними глухой, другие – до того тихо, что вообще ничего не слышно. Подобные привычки неуместны и неприятны, и избавиться от них может лишь пристальное к себе внимание. По ним всегда легко узнать людей, не получивших должного воспитания. Ты даже не можешь себе представить, насколько важно держать в памяти все эти мелочи.

Мне приходилось видеть немало людей с большими способностями, которых плохо принимали в обществе именно оттого, что этих-то второстепенных качеств у них не было, и других, которых, напротив, хорошо принимали только благодаря этим качествам, ибо то были люди, ни в каком отношении не примечательные.

IX

Бат, 28 июня 1742 г.

Милый мой мальчик!

Обещания твои очень меня радуют, а исполнение их, которого я от тебя жду, порадует меня еще больше. Ты, несомненно, знаешь, что нарушить свое слово – безрассудство, бесчестье, преступление. Это безрассудство, потому что тебе никто потом не поверит, и это бесчестье, а равно и преступление, потому что правдивость – первое требование религии и нравственности, и никто не подумает, что не выполняющий его человек вообще может обладать какими-либо другими хорошими качествами; поэтому он навлечет на себя ненависть, и от него отвернутся люди и Бог. Словом, я надеюсь, что во имя правды и чести ты будешь делать то, к чему, независимо от данного мне обещания, должны побуждать тебя гордость и твои собственные интересы, а именно – стремиться превзойти остальных во всем, за что бы ты ни взялся. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я считал для себя позором, если другой мальчик выучил лучше меня урок или лучше меня умел играть в какую-нибудь игру. И я не знал ни минуты покоя, пока мне не удавалось превзойти моего соперника. Юлий Цезарь, снедаемый благородной жаждой славы, не раз говорил, что предпочел бы быть первым в деревне, нежели вторым в Риме. Однажды он даже плакал, стоя перед статуей Александра Великого и раздумывая над тем, насколько в тридцать лет у Александра было больше славы, чем у него самого, в его уже почтенные годы. Такие чувства придают людям значительность; те, у кого их нет, проживут свой век безвестными, и люди будут их презирать, тогда как те, кто пытается превзойти всех, могут быть уверены, что уж, во всяком случае, превзойдут очень многих. Верный способ в чем бы то ни было преуспеть – это уделить этому предмету пристальное внимание, ничем от него не отвлекаясь, – тогда он потребует от тебя наполовину меньше времени. Долгое и кропотливое сидение над книгами – удел людей тупых; человек способный занимается регулярно и схватывает все быстро. Теперь вот подумай, что тебе больше хочется: быть внимательным и прилежным в часы занятий и благодаря этому превзойти всех других мальчиков, хорошо зарекомендовать себя и выгадать гораздо больше свободного времени для игры или же заниматься кое-как, дать опередить себя тем, кто моложе тебя, чтобы они потом смеялись над тобою, как над тупицей, и совершенно не иметь времени для игры, потому что, могу тебя заверить, если ты не будешь учиться, играть тебе не придется. Каким же путем достигается совершенство, которого ты обещаешь добиться? Во-первых, надо исполнять свой долг перед Богом и перед людьми – без этого все, что бы ты ни делал, теряет свое значение; во-вторых, приобрести большие знания, без чего к тебе будут относиться с большим презрением, даже если ты будешь очень порядочным человеком; и наконец, быть отлично воспитанным, без чего при всей своей порядочности и учености ты будешь человеком не только очень неприятным, но просто невыносимым.

Помни об этих трех задачах; преисполнись решимости добиться превосходства и в том, и в другом, и в третьем. В этом заключается все, что необходимо тебе и полезно и при жизни и после смерти, и по мере того как ты будешь совершенствоваться в этом, будет расти моя любовь и нежность к тебе. Твой...

Х

Суббота

Сэр!

Молва о вашей начитанности и других ваших блистательных талантах дошла до лорда Орери, и он выразил желание, чтобы вы приехали в воскресенье пообедать вместе с ним и с его сыном, лордом Бойлом; я ответил ему, что вы приедете.

К тому времени как письмо мое до тебя дойдет, ты, вероятно, уже получишь это приглашение, но, если даже его и не будет, ты все равно должен пойти туда завтра между двумя и тремя и сказать, что ты пришел к лорду Бойлу, выполняя распоряжение милорда, переданное через меня. Так как из-за этого я буду лишен чести и удовольствия видеть тебя завтра у себя за обедом, я рассчитываю, что ты со мною позавтракаешь, и велю сварить тебе шоколад.

Возраст твой, жизненный опыт и знание света, казалось бы, избавляют меня от необходимости убеждать тебя, насколько хорошие манеры важны для всех людей. Тем не менее различные твои занятия – греческий и крикет, латынь и питч²¹ – могут отвлечь тебя от этого предмета, поэтому я беру на себя смелость и напомнить тебе о нем, и пожелать, чтобы, будучи у лорда Орери, ты показал себя человеком воспитанным. Воспитанность – это единственное, что может расположить к тебе людей с первого взгляда, ибо для того, чтобы распознать в тебе большие способности, нужно больше времени. Хорошее воспитание, как ты знаешь, заключается не в низких поклонах и соблюдении всех правил вежливости, но в непринужденном, учтивом и уважительном поведении. Поэтому, когда к тебе обращаются, ты должен отвечать приветливо, ты должен садиться на дальний конец стола, если только тебя не пригласят сесть ближе, пить первый тост за здоровье хозяйки дома и лишь потом – за здоровье хозяина, не набрасываться на еду, не быть за столом неряхой, не сидеть, когда другие стоят; и надо, чтобы при этом у тебя был непринужденный вид, а не надутая, кислая физиономия, какая бывает у людей, которые делают все с неохотой. Я отнюдь не имею в виду ту бессмысленную улыбку, которую мы видим у дураков, когда им хочется быть учтивыми, а живое, веселое выражение лица. Пожалуй, ничто не приобретается с таким трудом и ничто столь не важно, как хорошие манеры, которые не имеют ничего общего ни с натянутой церемонностью, ни с наглой развязностью, ни с нелепой застенчивостью. Некоторая доля сдержанности всегда бывает нужна, точно так же как совершенно необходима известная степень твердости, внешне же человеку всегда подобает быть скромным: знание света и твои собственные наблюдения должны подсказать тебе – и они одни только могут это сделать, – сколько нужно того, другого и третьего.

Вчера я видел м-ра Фитцджералда, он очень тебя расхваливал; если ты и впредь окажешься достоин похвал, ты всегда будешь их получать. Прощай.

²¹ ...крикет... и питч... – Крикет – игра, состоящая в том, что две группы игроков загоняют небольшой мяч палкой в ворота; питч – игра, напоминающая орлянку, с той разницей, что монету не просто подбрасывают, а стараются попасть ею в лунку, и, таким, образом выигрыш в большей степени зависит от умения и сноровки игрока.

XI

Дублинский замок, 19 ноября 1745 г.

Милый мой мальчик!

<...> Приближаются рождественские каникулы, и я направил к тебе месье Денуайе, чтобы он за это время обучил тебя танцам. Я хочу, чтобы ты особенное внимание обратил на изящные движения рук. К этому надо еще добавить умение надеть шляпу и подать руку; собственно, это и есть то небольшое, что должно составлять предмет внимания каждого джентльмена. Танцы сами по себе – занятие пустяшное и глупое, но это – одна из тех упрочившихся глупостей, в которых людям умным приходится иногда принимать участие, а коль скоро это так, то они должны делать все, что при этом положено, умело. И пусть у меня нет ни малейшего желания видеть тебя танцором, но раз уж ты все равно будешь танцевать, мне хотелось бы, чтобы ты танцевал хорошо, так же как хотелось бы, чтобы ты хорошо делал все. Как бы пустяшно ни было начатое тобою дело, но, коль скоро ты уже взялся за него, доводи его до совершенства. И я часто говорил тебе, что мне хочется, чтобы даже в питч и крикет ты играл лучше любого другого мальчика во всем Вестминстере. Например, забота о красоте одежды – большая глупость; и вместе с тем не меньшая глупость не уметь хорошо одеваться – так, как приличествует твоему званию и образу жизни. И это не только не унижает человеческого достоинства, а напротив, скорее утверждает его: быть одетым не хуже тех, кто тебя окружает; в данном случае различие между человеком здравомыслящим и хлыщом заключается в том, что хлыщ кичится своим платьем, а человек здравомыслящий потихоньку посмеивается над своей одеждой и вместе с тем знает, что не должен ею пренебрегать. Существует множество таких вот глупых обычаев, в них нет ничего преступного, человек разумный должен с ними считаться и не терять из-за этого хорошего расположения духа. Диоген Киник²² поступал мудро, презирая их, но в то же время и глупо, позволяя себе это презрение выказывать. Постарайся быть умнее других, но никогда не давай им этого почувствовать. <...>

²² Диоген Синопский, или Диоген Киник (по принадлежности его к школе киников) – древнегреческий философ, проповедовавший воздержание и жизнь сообразно с природой. О нем существует множество рассказов.

XII

Бат, 4 октября ст. ст. 1746 г.

Милый мой мальчик!

Хоть я и трачу много времени на писание тебе писем, должен признаться, меня часто одолевают сомнения, нужно ли все это. Я знаю, как обычно неприятны бывают советы, знаю, что те, кому они нужнее всего, менее всего любят их и менее всего им следуют, знаю я также и то, что, в частности, родительские советы всегда рассматриваются как старческое брюзжание, как желание непременно проявить свою власть или просто как свойственная этому возрасту болтливость. Но, с другой стороны, я смею думать, что собственный твой разум, хоть ты еще слишком молод для того, чтобы он мог чем-то выказать себя самостоятельно, достаточно силен, чтобы дать тебе возможность судить о вещах очевидных и принимать их. Та к вот, смею думать, что, как ты ни молод, собственный твой разум подскажет тебе, что советы, которые я тебе даю, имеют в виду твои, и только твои, интересы, а следовательно, тебе по меньшей мере надлежит хорошо взвесить их и поразмыслить над ними; если ты это сделаешь, то, надеюсь, иные из них возымеют свое действие. Не думай, что я собираюсь что-то диктовать тебе по праву отца, я хочу только дать тебе совет, как дал бы друг, и притом друг снисходительный. Не бойся, что я буду препятствовать твоим развлечениям, – напротив, мне хотелось бы быть в этой области советчиком твоим, а отнюдь не цензором. Пусть же мой жизненный опыт восполнит недостаток твоего и очистит дорогу твоей юности от тех шипов и терний, которые ранили и уродовали меня в мои молодые годы. Поэтому ни одним словом я не хочу намекать на то, что ты целиком и полностью зависишь от меня, что каждый твой шиллинг ты получил от меня, а ни от кого другого и что иначе и быть не могло, а так как никакой женской мягкости по отношению к твоей персоне у меня нет, единственное, что может склонить меня на доброту, – это твои заслуги.

Повторяю, я отнюдь не хочу напоминать тебе об этом, ибо убежден, что ты будешь поступать как надлежит, движимый более благородными и великодушными побуждениями, т. е. во имя самой правоты и из чувства любви и благодарности ко мне.

Я так часто рекомендовал тебе внимание и прилежание во всем, чем бы ты ни занимался, что сейчас говорю об этих качествах не как о чем-то обязательном, а указываю тебе на них как на благоприятные, более того – как на совершенно необходимые для твоих удовольствий, ибо может ли быть большее удовольствие, чем иметь возможность всегда и во всем превзойти своих сверстников и товарищей? И равным образом, возможно ли придумать что-либо более унижительное, чем чувствовать себя превзойденным ими? В этом последнем случае ты должен испытывать больше сожаления и стыда, ибо всем известно, какое исключительное внимание было уделено твоему образованию и насколько у тебя было больше возможностей все узнать, чем у твоих сверстников. Я не ограничиваю цели рекомендуемого мною прилежания одним только намерением превзойти других и соперничеством с ними (хотя это – вполне осязаемое удовольствие и вполне законная гордость), но я имею в виду истинное преуспевание в самом деле, ибо, на мой взгляд, лучше вовсе ничего не знать в какой-либо области, чем знать только наполовину. Поверхностные знания не доставляют ни удовлетворения, ни чести, но зато часто приносят бесчестие или просто ставят нас в смешное положение. <...>

То, что принято называть верхоглядством, неминуемо порождает самодовольных фатов. Последнее время я часто возвращаюсь к мысли о том, каким бы я был несчастным человеком, если бы смолodu не приобрел известный запас знаний и вкус к ним. Что бы я стал делать без этого с собою сейчас? Скорее всего, я, подобно большинству невежд, расшатал бы свое здоровье и растерял имевшиеся способности, употребив все вечера свои на пьяные кутежи; или же, легкомысленно растрачивая их на женскую болтовню, вызвал бы со стороны тех же самых женщин в ответ только презрение и насмешку. Или же, наконец, я повесился бы – а ведь один

человек так когда-то и сделал, – оттого что устал надевать и снимать каждый день башмаки и чулки. Сейчас у меня остались мои книги, одни только мои книги, и каждый день подтверждает мне верность слов Цицерона о пользе образования: *«Haec studia adolescentiam alunt, – говорит он, – senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent; delectant domi, non impediunt foris; pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur»*²³.

Я вовсе не собираюсь, утверждая это, исключать беседу из числа удовольствий, которыми мы наслаждаемся в пожилом возрасте; напротив, это очень большое и очень разумное удовольствие для всякого возраста, только беседа, которую ведут невежды, никак не может быть названа беседой, она не доставляет удовольствия даже им самим, они устают от собственной пустоты, им не хватает материала, который обеспечил бы их словами, необходимыми для поддержания разговора.

Поэтому позволь мне самым решительным образом посоветовать тебе, пока ты в силах это сделать, накопить значительный запас знаний; пусть даже тебе и не удастся применить большую часть их в беспутные годы молодости, ты, однако, можешь быть уверен, что настанет время, когда они понадобятся, чтобы тебя поддержать. Государственные амбары засыпают зерном в урожайные годы: никто в точности не знает, следующий ли, второй ли или третий по счету год будет неурожайным, но известно, что рано или поздно наступит год, когда зерна не будет хватать.

²³ Эти вот занятия питают юношей, радуют стариков, украшают счастье, доставляют прибежище и утешают в несчастьях, услаждают дома, не мешают вне дома, проводят с нами ночи, сопровождают нас в странствиях и помогают в сельском труде (лат.).

Больше я ничего не скажу; у тебя есть мистер Харт²⁴, чтобы ты мог в этих мнениях утвердиться, у тебя есть разум, чтобы подкрепить искренность сказанного мною. Короче говоря:

²⁴ *Харт Уолтер (1709–1773)* – английский писатель и поэт. Автор сборника стихов «Амарант», «История Густава Адольфа» и «Опытов о сельском хозяйстве»; знаток древних языков; в качестве воспитателя сопровождал Филипа Стенхопа в его путешествии по Европе.

«У вас есть Моисей и пророки, если вы не поверите им, вы не поверите никому, пусть даже человек воскреснет из мертвых».

Не думай, что знания, приобрести которые я тебе так настоятельно советую, заключены в книгах, как бы приятны, полезны и необходимы эти знания ни были: я имею в виду настоящее знание людей, еще более необходимое, чем добытое тобой из книг. В самом деле, эти два вида знания взаимно дополняют друг друга: никто не в состоянии овладеть в совершенстве одним из них, если он не владеет обоими. Знание людей приобретается только среди людей, а не в тиши кабинета. Его нельзя почерпнуть из одних лишь книг, но книги многое подскажут тебе, когда ты будешь наблюдать жизнь, и без них ты в ней многое не увидишь. А когда ты сопоставишь собственные наблюдения над людьми с вычитанным из книг, тебе будет легче доискаться до истины.

Для того чтобы узнать людей, необходимо не меньше внимания и усердия, чем для того, чтобы узнать книги, и, может быть, больше тонкости и проницательности. Я встречаю, например, немало пожилых людей, которые всю свою жизнь вращались в большом свете, но по причине крайнего легкомыслия своего и невнимательности знают о нем сейчас не больше, чем знали в пятнадцать лет. Поэтому не обольщайся надеждой, что ты сможешь приобрести это знание за пустою и праздною болтовней. Нет, ты должен проникнуть гораздо глубже. Ты должен не просто смотреть на людей, а внимательно в них всматриваться. Почти в каждом человеке с самого рождения заложены в какой-то степени все страсти, и вместе с тем у каждого человека преобладает какая-то одна, которой подчиняются все остальные. Ищи в каждом человеке эту главенствующую над всем страсть, загляни в самые сокровенные уголки его сердца и понаблюдай за тем, как по-разному ведет себя одна и та же страсть в разных людях. А когда ты разгадал в каком-нибудь человеке эту главную страсть,²⁵

²⁵ ...когда ты разгадал в каком-нибудь человеке эту главную страсть... Об этом же говорит А. Поп в «Опытах о морали», 1, 174: Search then the ruling passion; there alone The wild are constant, and the cunning known. (Ищи тогда главенствующую страсть; она одна заставляет людей сумасбродных обрести постоянство и разоблачает хитрецов.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.